

«БЫВШИЕ» казаки и советская власть в Бурят-Монголии (по фрагментам жизни вахмистра Забайкальского казачьего войска Павла Алексеевича Бурдуковского (1875–1938))

С.В. Хомяков

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
khomyakov777@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>

Статья поступила 08.11.25, принята 28.11.25

На примере жизнедеятельности носителей казачьей идентичности (Верхнеудинская станция 1 военного округа Забайкальского казачьего войска, в советский период – в составе Верхнеудинского пригородного посёлка Зауда) в статье рассматривается феномен локально-территориальных сообществ. Они представляют из себя небольшие по численности социальные группы, единство которых было обусловлено определёнными практиками взаимодействия, основанными на неформальном лидерстве наиболее статусных членов общин (в данном случае – орденосных войсковых казаков, хозяев семейств), а также на единой самоидентификации, длительности близкососедского проживания, опыта взаимопомощи, общих точках сборов, воспроизводстве специфичной материальной и духовной культуры. В контексте изучения фрагментов жизни войскового казака Бурдуковского Павла Алексеевича анализируется положение и реакция локального сообщества «бывших» казаков пос. Зауда Бурят-Монгольской АССР на реализацию главных аспектов экономической, социальной и культурной политики новой советской власти в 1920–1930-е гг. Эти аспекты были направлены на фактическое «растворение» элементов «особости» тех идентичностей, образ жизни которых был прочно связан с дореволюционной общественной парадигмой (военная служба царю, устойчивые традиции религиозности и т. д.). Власти старались добиться итогового «изъятия из среды» наиболее характерных носителей путём постепенно нарастающего административного давления и уголовного преследования, а также их дискредитации и противопоставления остальным общинникам. Одним из наиболее негативных последствий такой кампании в данном случае стало «выветривание» у последующих поколений забайкальских казаков исторической памяти, основ идентичности и культурной специфики предков, реконструкция которых с разным успехом и трудностями происходит на современном этапе.

Ключевые слова: Отечественная история; Забайкальская область; забайкальское казачество; советская власть; локально-территориальные сообщества.

"Former" Cossacks and Soviet power in Buryat-Mongolia (based on fragments from the life of the Sergeant Major of the Transbaikal Cossack Army Pavel Alekseevich Burdukovsky (1875–1938))

S.V. Homyakov

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS; 6, Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
khomyakov777@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>

Received 08.11.25, accepted 28.11.25

Using the life of Cossack identity bearers (the Verkhneudinsk village of the 1st Military District of the Transbaikal Cossack Host, which during the Soviet period was part of the Verkhneudinsk suburban settlement of Zauda) as an example, the article examines the phenomenon of local-territorial communities. They represent small social groups whose unity was determined by certain practices of interaction based on the informal leadership of the most prestigious community members (namely, the order-bearing military Cossacks, the heads of families), as well as on a common self-identification, lengthy residence in close proximity, experience of mutual assistance, common gathering points, and the reproduction of a specific material and spiritual culture. In the context of studying fragments of the life of the military Cossack Pavel Alekseevich Burdukovsky, the situation and reaction of the local community of "former" Cossacks of the settlement of Zauda, Buryat-Mongolian ASSR, to the implementation of the main aspects of the economic, social, and cultural policies of the new Soviet government in the 1920s and 1930s is analyzed. They were aimed at the de facto «dissolution» of the elements of «specialness» in those identities whose way of life was firmly linked to the pre-revolutionary social paradigm (military service to the tsar, strong religious traditions, etc.). The authorities sought to achieve the ultimate "exclusion from the environment" of the most characteristic bearers of this identity through gradually increasing administrative pressure and criminal prosecution, as well as their discrediting and contrasting with the rest of the community. One of the most negative consequences of this campaign in this case was the "erosion" of the historical memory, the foundations of identity, and the cultural specificity of their ancestors among subsequent generations of Transbaikal Cossacks, whose reconstruction, with varying degrees of success and difficulty, is currently underway.

Keywords: national history; Transbaikalia; Transbaikal Cossacks; Soviet power; local-territorial communities.

Введение. Созданное в 1917 г. советское государство, сумевшее отстоять своё существование в период гражданской войны и объединив в 1922 г. под своей властью большую часть бывшей Российской империи – получило возможность реализовывать свои цели в мирной обстановке. Построение коммунистического общества предполагало сложнейшую задачу – фундаментальную перестройку всех сторон общественной жизни многомиллионного населения (при большой разновидности непохожих друг на друга укладов). В частности – одной из генерирующих идей логично становится попытка воспитать «новое» поколение. Оно должно было стать свободным от всех догм и установок, связывающих его со «старым» миром, прежде всего – лояльности к политическим, религиозным и внутрикорпоративным институтам взаимодействия, носителями которых было дореволюционное поколение «отцов». Чем более специфичным и отличным от других было сообщество (казачество, старообрядчество, многочисленные группы «инородцев» и т. д.), тем более сложной была задача для власти, так как поколенческая преемственность в этих случаях строилась не только на общих ценностях (подданство царю), но и особенных – например, гордость от сопричастности к «казацкому роду». Соответственно, выполнялась эта задача либо умеренными методами (при вялотекущем пассивном сопротивлении старшего поколения), либо радикально, если дело касалось личностей, сопротивлявшихся властям из-за прочной привязки к прежним маркерам (статус в сообществе, утраченное благосостояние, участие в войнах «за царя» и т. д.), а также в силу своего характера.

Отсюда целью исследования, на примере судьбы Павла Алексеевича Бурдуковского (казака Верхнеудинской станицы – орденосного ветерана трёх войн и крепкого хозяйственника), можно назвать реконструкцию узловых фрагментов его жизни. Она позволит выявить эволюцию отношения к идентичности потомственного войскового казачества в довоенной Бурят-Монгольской АССР (как к «нежелательной» в плане построения нового общества) – от серии умеренных ограничений до окончательного ареста. Первой задачей будет изучение «дореволюционного» этапа жизни П.А. Бурдуковского, что нужно для понимания того, что местная власть воспринимала его фигуру, как соответствующую по своим биографическим параметрам маркеру потенциального «противника советского строя», кавалера «царских» орденов, имевшего большой авторитет у населения задолго до революции. Второй задачей становится анализ варианта возрастающего (на протяжении 1917–1930-х гг.) политического и экономического давления на жизнь «бывшего» казака и его соседей, пытавшихся встроиться в новые реалии себя и своих детей. В этой связи, в частности разбор воспоминаний старшей дочери Павла Алексеевича даёт возможность судить о событиях и степени выветривания из поколенческой памяти «казацкого» прошлого прямых предков. Это и являлось необходимым элементом идеологической политики большевиков, стремившихся к тому, чтобы дети казаков (как и «новое» поколение других локальных сообществ) росли и воспитывались советскими людьми.

Источниковая база. Ключевое значение для работы имеют источники личного происхождения, а именно устные воспоминания Кобуновой (Бурдуковской) Екатерины Павловны (1911–2007) – дочери Павла Алексеевича, полученные от её внука – Мельникова Константина Алексеевича (1979 г.р.). Они позволили расширить и дополнить данные архивных материалов сведениями, способствующими более ясному представлению о реальных взаимоотношениях Павла Алексеевича со своими родственниками, соседями – в том числе с бывшими сослуживцами, а также с разнообразными советскими инстанциями. Также важное место для исследования заняли неопубликованные ранее материалы фондов Государственного архива Республики Бурятия, а именно фонда 89 (Верхнеудинский городской казачий полк), ф. 116 (Верхнеудинское правление казачьего войска), ф. 213 (Верхнеудинская Спасская церковь), р. 819 (Улан-Удэнская комиссия по лишению избирательных прав), р. 1411 (Прокуратура отдела государственного политического управления (ОГПУ) БМАСР). С их помощью удалось реконструировать родословную П.А. Бурдуковского в контексте службы его предков (начиная с прадеда) в Верхнеудинской казачьей команде, а с 1820-х гг. – Верхнеудинском городском казачьем полку. Также важнейшие сведения из фонда 1411 раскрывают базовые этапы сложных взаимоотношений казаков упразднённой Верхнеудинской станицы и населения пос. Зауда, лояльного советским органам власти и их решениям (коллективизация хозяйств, лишение «враждебных элементов» избирательных прав и т. д.). Ввод в научный оборот ранее неопубликованных архивных материалов из указанных фондов, а также обращение к личности П.А. Бурдуковского как к характерному примеру последствий политики «расказачивания» на жизнь причастных к этому людей в 1920–1930-х гг., определённо составляют новизну исследования. Методами, которые были использованы для выполнения охарактеризованных задач, стали нарративный, диахронный. Первый был основным для реконструкции жизни Павла Алексеевича на основе воспоминаний его родственников, второй выявил принципиальные различия в положении группы казаков Верхнеудинской станицы (более-менее устойчивой по составу) в дореволюционное и раннесоветское время.

Базовой по тематике казаков Забайкалья можно считать монографию Е.А. Высотиной [4], комплексно раскрывающую их жизнедеятельность. Структурные изменения в Забайкальском казачьем войске, образ жизни казаков подробно изучает М.С. Новолодская [21]. Сотрудники Государственного архива Республики Бурятия в 2019 г. выпустили сборник документов, позволяющих расширить сведения о казачестве региона [7]. В целом степень изученности жизнедеятельности забайкальского казачества, в том числе процесса «расказачивания» на территории новообразованной Бурят-Монгольской АССР, вполне позволяет находить неисследованные лакуны, одной из которых и представляется анализ местных локально-территориальных сообществ «бывших» казаков.

Павел Алексеевич родился 12 января 1875 г., третьим сыном в семье казака Верхнеудинской станицы Алексея Васильевича Бурдуковского [19, д. 62, л. 10 об.].

Отец (ориентировочно 1834 г.р. [25, д. 9, л. 24 об.]) служил в одной из сотен конного Верхнеудинского полка 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска, был урядником [19, л. 62, л. 10 об.]. Соответственно, он имел одно из основных нижних казачьих званий, вслед за приказным и младшим урядником, являясь по своей сути непосредственным и первичным «начальником из рядовых» [14]. Таких людей выделяли в свое время младшие чины (вахмистры), либо офицерские (хорунжие) из основного состава, как наиболее авторитетных в своей среде и умеющих «урядить» строй сослуживцев на войсковых мероприятиях, а также в практике неофициальных взаимоотношений. Дед и прадед Павла Алексеевича также служили казаками в Верхнеудинске, ещё до образования отдельного Забайкальского казачьего войска в 1851 г. Василий Евдокимович Бурдуковский (ориентировочно, 1800 г.р. [25, д. 9, л. 24 об.]), в 1820–1830-х гг. числился казаком только что образованного Забайкальского городского казачьего полка [25, д. 9, л. 24 об.]. По «Уставу о сибирских городских казаках» от 1822 г. в него вошли верхнеудинская и нерчинская городские команды [16]. Прадед – Евдоким Бурдуковский («умерший отставной казак» по состоянию на 1834 г. [25, д. 9, л. 139 об.]). Предположительно родился в крестьянской семье Хонхолойской деревни (на рубеже XVIII–XIX вв. административно находящейся в Селенгинском уезде Удинской провинции Иркутской губернии [12, с. 97, 101]. В конце XVIII в. Евдоким мог записаться в Верхнеудинскую городскую казачью команду, так как появляется в качестве поручителя в метрических записях (например, 1810 г.) у конкретно хонхолойских крестьян как «верхнеудинский казак» [18, д. 101, л. 61 об.]. Воспитав и инкорпорировав в казачью среду всех своих четырёх сыновей Евдоким, таким образом стал основателем казачьей династии для своих многочисленных потомков. По итогу, на раннее воспитание Павла несомненно оказала влияние сформированная тремя предшествующими поколениями казаков Бурдуковских (прямыми предками; братьями деда и отца; собственными старшими братьями) особая идентичность. Она выражалась не только во внешних особенностях (привычка к форме, оружию, снаряжению), но и в предопределённости будущего образа жизни. С рождения записанный «сыном казака», Павел за три года до начала службы, в 1893–1896 гг. поступательно проходит с 1-го по 4-й «приготовительные» разряды, став «казакон Верхнеудинской станицы» ориентировочно в 1897 г., с 22 лет [2, д. 500, л. 7 об.]. Одновременно с этим он знакомится и с «оборотной» стороной казачьего быта, связанной с постоянной необходимостью поиска подрядов, наймов «на стороне», ввиду значительного спектра будущих неуклонных расходов (строительство дома, покупка коня и обмундирования, оплата податей в период льготной службы и т. д.). «Рано начал работать, смотрел за скотиной, пас, заготавливал сено. Со временем пошёл в ямщики, ходил в команде с опытными. Они научили его управляться с конём, тянущим большой груз. У него был основной конь и «пристойный» – казённые, со временем старшие братья помогли купить собственного, за счёт чего он мог зарабатывать в ямщине больше» [10]. Постоянная

подрядная деятельность в мирные периоды (до 1900 г., 1902–1903 гг., 1905–1914 гг.) и несомненно, статус орденосного войскового казака, в итоге помогли Павлу Алексеевичу построить в начале 1900-х гг. небольшую усадьбу с домом в Верхнеудинской станице, а также иметь свою заимку.

Геополитические изменения начала XX в. в дальневосточном регионе вызывают принципиальные изменения в жизнедеятельности забайкальских казаков. Конфликт на северо-востоке Китая 1900–1901 гг. («китайский поход»), русско-японская война 1904–1905 гг. по сути стали первыми масштабными испытаниями их прямой войсковой специфики, с полноценным вовлечением как действующих казаков, так и льготных «очередников». Маньчжурские сражения и перманентные подвиги безусловно укрепляли спайку казаков непосредственно внутри соединений (с возможностью личных взаимоотношений), так и по факту общего участия в одной и той же войне. Это в свою очередь формировало их дальнейшее многолетнее братство, основанное уже не только на сословной идентичности и культуре, но и на военном опыте и воспоминаниях. Находящийся в 1900 году в самой первой льготной очереди П.А. Бурдуковский в составе 1-й Забайкальской казачьей батареи отправляется в Маньчжурию на борьбу с восстанием ихэтуаней и защиту инфраструктуры вводившейся в эксплуатацию Китайской-Восточной железной дороги. Удостоен Знаком отличия военного ордена (Георгиевским крестом) 4-й степени за бой 15 сентября 1900 г. [1, с. 227]. Батарея в этот день атаковала «сильно укреплённую горную позицию к югу от г. Ляояна» [8, с. 12], выдержала сопротивление и далее участвовала в занятии города. Данные сведения подтверждаются также статьёй из газеты «Разведчик», в обзоре которой за 15 сентября указано участие батареи в «летучем отряде полковника Мищенко» [24, с. 921]. В китайском походе П.А. Бурдуковский являлся (по состоянию на 1 января 1901 г.) старшим урядником и его заслуги были быстро учтены правлением войска по приходу домой. Прежнее звание в именном списке станичников было перечёркнуто надписью от 1902 г. по переводу его в вахмистры, как «имеющего знак отличия военного ордена» [2, д. 500, л. 7 об.]. Но кроме того (как уже было отмечено ранее) нижние и младшие казачьи звания урядников и вахмистров не было смысла присваивать без неоспоримого авторитета среди рядовых казаков (перенесённого затем и в станицу), для которых 26-летний Павел Алексеевич являлся посредником в общении с офицерами, первичным звеньевым командиром в боях и маршах. Построив дом и женившись, он в составе 3-й Забайкальской казачьей батареи мобилизуется на русско-японскую войну и в том числе участвует в кровопролитных оборонительных боях августа 1904 г. под г. Ляоян (снова), при медленном отступлении маньчжурской армии к г. Мукден. «За все бои, начиная с 17 августа, противнику не оставлено никаких трофеев» [3, с. 710]. В их ходе, вахмистр П.А. Бурдуковский «за мужество и храбрость, оказанные им в бою с японцами 22 августа 1904 г. и за отличную стрельбу из орудий» награждён Знаком отличия военного ордена 3-й степени [17, с. 80]. В дальнейшем, имея большой боевой опыт, уже в 40-летнем возрасте

принял участие и в Первой мировой войне. По Высочайшему соизволению от 16–17 сентября 1916 г. в числе прочих, «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» был награждён серебряной медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее [7, с. 220, 225]. В контексте охарактеризованного боевого пути Павла Алексеевича, большой интерес представляют изученные документы правления Верхнеудинского станичного общества от 1901 г. [2, д. 500, л. 1, 2, 7, 7 об.]. Они, в числе прочего, позволили провести пофамильную сверку указанного там личного состава казаков Верхнеудинской станицы с жителями пос. Зауда, проходившими как обвиняемые в материалах наблюдательного производства за делом ОГПУ 1929 г. [20, д. 1004, л. 6]. В результате чего было выявлено, что многие станичные казаки, воевавшие в периоды 1900–1905, 1914–1917 гг. (сам П.А. Бурдуковский, В.П. Котовщиков, Н.Д. Новиков, П.М. Козулин, А.В. Еремеев, а также младшие братья и дети других сослуживцев) в дальнейшем долговременно проживали в пригородном верхнеудинском посёлке Зауда (на месте бывшей станицы), в непосредственной близости друг от друга. Последнее следовало из кратких описаний их взаимодействий друг с другом по поводу непринятия организации здешнего колхоза в 1928 г. [20, д. 1004, л. 6–7]. На данном основании действительно можно вести речь о существовании в посёлке особого локально-территориального сообщества соседей, с общим прошлым войсковых казаков (прежде всего хозяев домов, отцов больших семейств), репродуцирующих элементы казачьей идентичности и в целом хорошо осознающих свою общность. Павел Алексеевич «был красив, когда в военной (т. е. казачьей) форме с орденами выходил на улицу. Случалось, что он с наградной винтовкой охранял собственное хозяйство от ночных воров» [10].

К событиям революций и гражданской войны 1917–1922 гг. данное сообщество подходит относительно целостным, с крепкими хозяйствами, общепринятыми точками сборов и праздничных встреч (Заудинская Михаило-Архангельская и приходская Спасская церкви), а также имея в своей среде фактических лидеров, героев нескольких войн, хранителей общественного спокойствия. «Был случай, когда в Михайловскую церковь воры залезли. Монашка не растерялась – заперлась на колокольне и в колокола бьёт среди ночи. Отец (т. е. Павел Алексеевич) схватил винтовку – и туда. Говорит: "Всю церковь оббегал – никого нет. Потом гляжу – следы возле ворот. Понял, что воры за створку ворот встали. Я пробежал мимо, в попыхах не увидел, ну и они восвояси"» [10]. П.А. Бурдуковский и его сослуживцы-соседи несомненно «пользовались большим уважением» [10] в общине, являясь личностями, цементирующими её устои.

Таким образом, переходя ко второй задаче исследования отметим, что казачья династия, серьёзная военная карьера, общественное положение и статус П.А. Бурдуковского однозначно подпадали под концепт советской власти о «чуждых советскому строю» войсковых казаках. Они в своё время давали присягу и воевали «За веру, царя и Отечество», имели боевые навыки оружие, воспроизводили элементы казачьей исторической

памяти и тем самым находились в авангарде внутриобщинной сплочённости. То есть, речь здесь идет о наиболее харизматичных носителях идентичности (конечно, существовавших и в других многочисленных местных сообществах), наиболее активных проводников материальной и духовной культуры казаков. Они имели видное положение, часто непростой характер, объективные заслуги, накопленный авторитет и уважение к себе, а также весьма обострённую позицию (в сравнении с женской частью общины, а также молодежью) к революциям 1917 г. (из-за ликвидации казачества как сословия). Этим самым, такие люди воспринимались новой властью как главная опасность, во-первых – из-за протестного потенциала бывших военных кадров, десятилетиями сражавшихся за свергнутую династию. Во-вторых, как лидеры общественного мнения, они не могли остаться в стороне от болезненно принимаемого всеми социально-экономического переустройства (в частности, в посёлке Зауда) на рубеже 1920–1930-х гг., на основе неоднозначной «уровнировки», земельных переделов, запретов бытовой коммерческой деятельности и т. д. Наконец, в третьих – войсковые орденосные казаки сами по себе являлись главными маркерами сохранения и передачи потомкам не столько материальной казачьей культуры, сколько глубинного чувства многовековых традиций, воспроизводящих в частности элементы внутренней автономии и самоуправления. Данные элементы, после ликвидации Забайкальского казачьего войска (самодостаточного государственного института в плане управления и финансов) во многом перешли в общественные практики в виде принципиального отношения к неизменности существующего порядка вещей (в вопросах личной собственности, устоев религиозной жизни, воспитания детей, автономии по общим внутренним вопросам). Только постепенное «изъятие из среды» таких личностей (с параллельной многоаспектной дискредитацией героев в глазах остальных) и могло обеспечить советской власти условия для окончательного «раскачивания» оставшейся массы «крестьян-казаков», социализации молодого поколения на основе уже советского воспитания (коллективизм, интернационализм, партийность, классовость [5, с. 102], вера в победу коммунизма), в контексте общегосударственной культурной политики по формированию нового типа личности.

Конечно, в широком смысле, в этнической Бурятии носителями разнообразных идентичностей можно понимать в целом всё старшее поколение, успевшее получить жизненный опыт в дореволюционную эпоху. Кроме «бывших» казаков, это касалось русских и бурятских крестьянских общин старожилов, старообрядцев, представителей городских общностей, смешанных сообществ – так или иначе видоизменявшихся в рамках советской действительности. На заседаниях Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) в 1928 г. по проблемам антирелигиозных кампаний и слабости кадров местных коммунистов и комсомольцев зачастую говорилось о том, что «надо делать ставку на молодежь. Со стариками уже ничего не сделаем» [13, с. 138]. Часто они занимали позицию пассивного «глухого» сопротивления радикальным нововведениям, мало-помалу переходя к практикам социально-одобряемого поведения,

скрыто поддерживая и передавая в своих семьях ту же религиозную идентичность [26]. Поэтому в узком смысле носителями культурных ценностей (как и у охарактеризованных выше казаков), всё так же был ограниченный перечень волевых, деятельных людей, не боявшихся публично отстаивать свои устои, в основном из среды крепких хозяйственников, а также духовенства, т. е. лидеры мнений – являющиеся главным препятствием для властей. Но если старообрядческие уставщики, православные священники, буддийские ламы и сельские «кулаки» в 1920-е гг. в основном оставались в стороне от резких действий власти, то «бывшие» казаки, ввиду широкого участия их представителей в гражданской войне и в целом, общего опасения на их счёт, уже в первой половине 1920-х гг. ощутили на себе негативные тенденции.

Итак, взаимоотношения советской власти и «бывших» войсковых казаков пос. Зауда, чётко шли по линии нарастающей конфронтации. Прежде всего, уже в 1924 г. последним «вспомнили» период нахождения в Верхнеудинске белых частей казачьего атамана Г.М. Семёнова. П.А. Бурдуковский в 1924 г. оказался под следствием «за службу у Семёнова», дело было прекращено [20, д. 1004, л. 6], другие – также остались на свободе, несмотря на «службу в армии Колчака», «службу рядовым у Семёнова в 1919 г.» [20, д. 1004, л. 6]. Кто-то из заудинских соседей при этом в 1920 г. был участником красных партизанских отрядов, однако все равно вызывает сомнение факт прекращения следствия в случае реального участия Павла в боевых действиях. Это косвенно подтверждается воспоминаниями его дочери, о том, что конкретно в их доме (судя по всему, в 1919 г.) находился некий штаб «белых», «в доме ходили в сапогах, не разрешая хотя бы раз помыть полы. Стояли на постое несколько месяцев. Постоянно военные в сапогах, их много, у них какие-то карты, бумаги» [10]. Довольно пренебрежительное отношение к хозяину, вкупе с отсутствием фактов какого-либо участия Павла в военной деятельности «штаба» говорит о том, что его «служба» скорее всего заключалась в безальтернативном предоставлении семёновцам своего дома и двора для жительства. Тем не менее, формулировки «о службе» у врага остались и использовались в других делах. Следующим узловым моментом объективно становится период с 1928 по 1929-й гг., когда в Зауде организуются артель и колхоз. К этому времени некоторые представители изучаемого локального сообщества казаков уже бывали под арестами за «антисоветскую деятельность», либо выполняли принудительные работы [20, д. 1004, л. 6]. В августе 1929 г. Павел Алексеевич и ещё 13 глав семейств пос. Зауды (из которых девять – войсковые казаки из станичных списков 1901 г., либо их младшие родственники) были отправлены под арест в областной отдел ОГПУ [20, д. 1004, л. 3]. Обвинения уже предъявлялись в духе «обострения классовой борьбы» и по своей специфике окончательно демонстрировали настрой власти по отношению к войсковым казакам. «На протяжении всего существования советской власти занимались антисоветской агитацией, направленной на подрыв всех мероприятий в пос. Зауда» [20, д. 1004, л. 6]. Кроме того им вменялись протесты против наделения колхоза землей и принуди-

тельных изъятий хлебных излишков в его пользу, призывы к колхозникам по выходу из него («все равно все передеретесь»), драки с активистами, ожидание «белых» из Манчжурии, угрозы расправ [20, д. 1004, л. 7]. Следствие продлевали всю осень, не дав хозяйствам возможности убрать урожай, прошения жён отклонялись [20, д. 1004, л. 9–10]. 7 октября 1929 г. состав поменялся за счёт «единомышленников, подрывающих отношения колхозников с населением», а само дело, из-за эпизода драки было дополнено обвинением в «твёрдеятельности», причём сам П.А. Бурдуковский и ещё четверо человек были освобождены как «посторонние лица», на чём архивное дело и прерывается [20, д. 1004, л. 18–20]. Таким образом, была начата целенаправленная кампания по планомерному расколу локального сообщества Зауды (идентичная общим процессам начала 1930-х против «кулаков», духовенства и т. д.), выражавшаяся в как можно более сильном противопоставлении небольшой, но нежелательной для власти группы и большинством односельчан, которые постепенно шли в колхоз. Уже возрастные люди, уважаемые и известные всем местным фронтовые герои, на склоне лет фактически называются скрытыми врагами-«беляками» – прежде всего для своих односельчан (как внутри сплочённого сообщества, так и среди всех остальных), мешающими строить им счастливую жизнь и тем более ожидающими новую интервенцию. Несмотря на неоднократные закрытия дел это напрямую вело к дискредитации бывших общинных лидеров, кроме того – постоянные аресты, безусловно имели целью экономическое ослабление их хозяйств. «Отца арестуют-отпустят, арестуют-отпустят. Я одна. Мне и сеять, и пахать, и жать, и сено собирать. Всё на мне. Я всегда с отцом» [10]. При этом совсем не опровергается нежелание Павла Алексеевича и соратников делить земли, отдавать хлеб, а также возможное ожесточение на активистов, попытки отговорить людей от совершенно невыгодных, по их мнению, нововведений, агрессивный отказ в своем личном участии.

Вполне вероятно, что дело 1929 г. для оставшихся под арестом сослуживцев могло закончиться лишением свободы, но и для выпущенных оно раскручивает цепочку определённых действий властей, приводящих к сильнейшим материальным и социальным затруднениям, дальнейшему очернению статусов в общине. Воспоминания дочери передают данные о том, что в начале 1930-х гг. у Павла Алексеевича конфискуется дом в пос. Зауда [10] и заимка с пашней (в 2 гектара) в с. Вознесенском, т. к. в 1931 г. её обмеряли члены местного сельсовета [6, д. 140, л. 4]. Также есть сведения из книги Памяти о его новом аресте в этом году [15, с. 236], из чего можно сделать общий вывод, что «по итогам» дела о колхозе, в 1930 г. отпущенным было дано (либо увеличено уже имевшееся) трудозатратное «твёрдое задание», в качестве меры «общественного наказания». Причём для Павла Алексеевича оно было распространено и на дом в Зауде, и на пашню в Вознесенке, последнее выявлено в обращении Избиркома в Саянтуевский сельсовет в 1935 г. «Срочно сообщите, за что было обложено твёрдым заданием и распродано имущество бывшего жителя вашего сельсовета Бурдуковского Павла Алексеевича, проживающего

у вас до 1931 г.» [6, д. 140, л. 24]. Дочь уточняет эти моменты подробнее. «Отца облагали налогами, сперва мясом, потом зерном, потом продолжительное время возил и сдавал лес. Количество брёвен постоянно увеличивалось, доходило до того, что коня было нечем кормить» [10]. При этом Павел вынужден был заниматься на нём и извозным промыслом, а после утраты коня в 1933–1934 гг. «доставлял для школы № 6 помелья и мётлы [6, д. 140, л. 18], т. е. искал любую возможность заработать в сложившихся обстоятельствах. Как раз после неизбежного «провала» заданий 1930–1931 гг. и мог произойти арест, вероятно закончившийся конфискацией имущества и земли. «Дом изъяли, скотину всю увели и коня» [10]. Тем более, что в деле о лишении избирательных прав имеется справка от 19 марта 1935 г., с упоминанием о «продаже его имущества с торгов за невыполнение твёрдого задания» [6, д. 140, л. 3]. Наконец и сам Павел Алексеевич «не отрицает, что подвергался Верхнеудинским РИКом в 1930 г. твёрдым заданиям, за невыполнение которых у него было изъято всё имущество» [6, д. 140, л. 28]. Они с супругой (явно, как и многие другие) стали часто менять жильё, что также подтверждается разными адресами на его заявления в деле [6, д. 140, л. 2, 16]. «Там флигель снимали, там у сестры» [10]. «Состоял в земельном обществе Саянтуевского сельсовета», работая рядом с бывшей заимкой на уборках [6, д. 140, л. 20]. Отрыв от родного места проживания, из-за арестов одних и вынужденных переселений из Зауды других, как раз становится тем самым «изъятием из среды» сознательно скомпрометированных носителей идентичности, фактической ликвидации здешнего локального сообщества жителей, в смысле неформального лидерства бывших войсковых казаков. Стоит отметить, что аналогичные процессы одновременно проходили и на территориях других бывших станиц войска, например, в с. Бичура, где прежний атаман Е.Г. Григорьев добровольно отдал свой дом колхозу, переселясь в небольшой, что явно не особо изменило его положение, так как в 1931 г. он принял решение «уйти» со старшим сыном в Монголию на постоянное жительство [11].

Фрагменты дальнейшей жизни П.А. Бурдуковского дают определённое представление о заключительном этапе «взаимоотношений» бывших войсковых казаков и властей, если принимать во внимание хронологию 1920–1930-х гг. Экономический «разгром» хозяйств логично приводил к попыткам людей наладить свою жизнь, между тем любые более-менее рискованные действия (купля-продажа) явно были ожидаемы, становясь в свою очередь очередными поводами к уже политической дискриминации, окончательному выдавливанию «единоличников» за границы вне закона. В апреле 1933 г. П.А. Бурдуковский «был обнаружен торгующим на базаре разными вещами без патента» [6, д. 140, л. 16], (для покупки «небольшого домика для жилья», что указано в его заявлении [6, д. 140, л. 2]), задержан агентом Горфинотдела и выплатил штраф в 2000 руб. (от вырученных денег). За этот инцидент он оказывается лишённым избирательных прав из-за добавления к своему «послужному списку» очередных преступных для социалистической жизни коннотаций — «торговец и спекулянт» [6, д. 140, л. 14, 28]. Примечательно, что

некоторые семьи, уже будучи в колхозах, в 1933 г. подписывались о благонадёжности Павла и опровергали занятие им спекуляцией [6, д. 140, л. 21], что говорит о некоей остаточной жизнеспособности локального сообщества в этот период. С декабря 1934 г. и весь 1935 г. безуспешно пытается обжаловать это решение, в том числе в Центризбиркоме Бурят-Монгольской АССР, оставившим все решения и ярлыки «кулака-спекулянта» в силе [6, д. 140, л. 28]. В 1937–1938 гг. работал возницей-ассенизатором, что подтверждено заверенной милицией справкой 1957 г. от его бывшего начальника [9]. То есть власть при этом показывала свободу в возможностях заработка для всех, независимо от их прошлого, попутно указывая нынешнее «место в обществе» прежних героев. Наконец, с самого начала 1938 г. до Бурят-Монголии доходит очередная и самая страшная «волна» массовых арестов так называемых «врагов народа», в число которых, учитывая предысторию многочисленных преследований и обвинений, почти сразу же вошёл 63-летний вахмистр, кавалер двух знаков отличия Военного ордена, ветеран трёх войн, верный защитник Отечества Павел Алексеевич Бурдуковский. У родственников имеется прокурорская справка «о признании пострадавшим от политических репрессий», с данными приговора тройки от 15 марта 1938 г. (к высшей мере наказания), что и было приведено в исполнение 6 апреля того же года. Реабилитирован Павел Алексеевич Бурдуковский 15 сентября 1989 г. «за отсутствием состава преступления» [22]. Атрибуты войскового казака (форма, награды и ордена, шашка, наградная винтовка и все до единой фотографии) были изъяты, скорее всего во время окончательного ареста. «Мама прибегает: "Отца забрали! Стучат среди ночи. Прикладами по ставням. Всё повыгребли, даже все фотографии унесли"» [10]. Дочери прожили свои сложные жизни советских людей по-разному, сын стал ветераном Великой Отечественной войны, живя вдалеке от малой родины отца.

Заключение. На примере биографии Павла Алексеевича Бурдуковского несомненно можно вести речь о феномене определённых носителей идентичностей, которые вследствие своей активной позиции, а также занятия ими особых статусов в общине (священники, уставщики и т. д.), наличия материальных символов, подчёркивающих их славное боевое прошлое (войсковые казаки), пользовались большим уважением и сплачивали вокруг себя всех остальных. С данной спецификой разных жизненных укладов с самого начала своей деятельности сталкивается советская власть, стремившаяся унифицировать существующую социальную структуру. Конкретно выявлено, что в 1920-х гг. в посёлке Зауда верхнеудинского пригорода существовало локально-территориальное сообщество с неформальным лидерством войсковых казаков (в количестве минимум от 15 крупных семей и более). Обоснованием их «общности», кроме компактного проживания поблизости от Михаило-Архангельской церкви, являлась многолетняя совместная служба, военное братство, последовательная взаимопомощь друг другу, а также сохранение ими внешних форм казачьей идентичности. Она проявлялась в соответствующей самоидентификации своей семьи, ношении формы в обиходе, хранении во-

енных наград, а в некоторых случаях – несданного именного оружия, сплоченному сопротивлению земельным переделам. В период 1928–1938 гг. идёт процесс фактического слома данного казачьего сообщества, вследствие наступления на наиболее активных акторов, укладывающегося в логику экономической и культурной политики государства по «ликвидации кулачества» и формированию так называемого «советского человека». Была реконструирована его последовательная процедура, включающая в себя нарастающий пресс негативных явлений по отношению к бывшим станичникам (причисление к «белым», аресты за противодействие колхозу, заключение, либо тяжёлые «твёрдые задания» для освобожденных из-под следствия, конфискации домов и имущества за провалы заданий, лишения избирательных прав, аресты конца 1930-х гг.). Это приводило к их дискредитации в глазах общинников, «изъятию из среды» и замещению в данной местности, а также к разрыву внутрисемейных связей, боязни детей и внуков демонстрировать сохранённые от конфискации казачьи культурные атрибуты.

Литература

- Апрелков В.Ю. Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Т. 1. Чита : «Экспресс-издательство», 2012. 390 с.
- Верхнеудинское станичное общество. Именные списки казаков Верхнеудинской станицы, 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска. 1901 г. // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 116. Оп. 1.
- Война с Японией // «Сельский вестник». № 36. 5 сентября 1904 г. С. 705–720.
- Высотина Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. 213 с.
- Гончаренко О.Н. Формирование патриотизма интеллигенцией Зауралья в советский период // Международный научно-исследовательский журнал. № 11. 2017. С. 101–104.
- Дело по лишению избирательных прав Бурдуковского Павла Алексеевича. 1935 г. // ГАРБ. Ф.Р. 819. Оп. 1.
- Жалсанова Б.Ц., Шаповал Е.Ю. Хранители границ... История Забайкальского казачества в документах Государственного архива Республики Бурятия (1823–1919 гг.). Улан-Удэ, 2019 г. 319 с.
- Забайкальская казачья Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батарея (1859–1912). Историческая памятка. Чита: тип. Н.П. Первуницкого. 1914. 60 с.
- Заверенная 2 марта 1957 г. милицией г. Улан-Удэ справка от гр. Андриянова Константина Андрияновича о работе П.А. Бурдуковского возницей-ассенизатором в 1937–1938 гг.
- Из воспоминаний о Бурдуковском Павле Алексеевиче дочери Кобуновой (Бурдуковской) Екатерины Павловны (1911–2007), переданных внуком Мельниковым Константином Алексеевичем (1979 г.р.), г. Улан-Удэ.
- Из семейных воспоминаний о бичурском атамане Григорьеве Еремиле Григорьевиче, собранных у правнука Григорьева Сергея Лазаревича (1963 г.р.), с. Надеино, Тарбагатайского р-на, Республика Бурятия.
- История Бурятии с древнейших времен до современности / отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. М.Н. Балдано // Улан-Удэ : ЭКОС; Республиканская типография, 2025. 400 с.
- История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1917–1930-е гг.). Часть 2. / Жалсанова Б.Ц., Новолодка М.С., Ткачева В.Ю. и др. // Улан-Удэ : Республиканская типография, 2020. 352 с.
- Казачий словарь-справочник. Урядник // <https://kazak.academic.ru> [дата обращения 23.10.2025].
- Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Т. 1. / С.В. Васильева и др. // Улан-Удэ : Правительство РБ, 2007. 290 с.
- Лагард А.О. Забайкальское казачье войско – забайкальские казаки // <https://voenflot.ru> [дата обращения 23.10.2025].
- Маркин И., Бурдым Д. Знак отличия Военного ордена св. Георгия. Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. Москва, 2006. 1492 с.
- Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших, церковью Верхнеудинского духовного правления. 1810 г. // Государственный архив Забайкальского края. Ф. 282. Оп. 1.
- Метрическая книга о родившихся по Верхнеудинскому станичному округу. Январь–март 1875 г. // ГАРБ. Ф. 116. Оп. 1.
- Наблюдательное производство за делом по обвинению Митрофанова М.Л., Бурдуковского П.А., Попова П.И. и др. по статье 58–10 УК РСФСР. 1929 г. // ГАРБ. Ф.Р. 1411. Оп. 1.
- Новолодка М.С. История Забайкальского казачьего войска по документам Государственного архива Республики Бурятия // <https://www.gbu-garb.ru>. Официальный сайт ГАУК РБ ГАРБ [дата обращения: 07.11.2025].
- Прокуратура Республики Бурятия. Справка о признании пострадавшим от политических репрессий. № 13–2–95. Выдана 26.01.1995 г.
- Рвачева О.В. Создание советского казачества на Юге России в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. № 3. 2014. С. 81–91.
- События в Китае // «Разведчик». № 521. 10 октября 1900 г. С. 905–928.
- Списки, ведомости о священнослужителях, военнотружущих с семьями и прихожанах бывших и отсутствующих на исповедях и Святом причастии за 1834–1836 гг. // ГАРБ. Ф. 213. Оп. 1.
- Хомяков С.В. Старообрядцы Бурятии: вхождение в советское общество и проблема взаимоотношений с властью // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 3. 2018. С. 167–178.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

References

1. Aprelkov V.Yu. (2012). Cavaliers of the St. George Cross of the Transbaikal Cossack Host in the Russo-Japanese War of 1904–1905. Vol. 1. Chita. Express Publishing House. 390 p.
2. Verkhneudinsk Stanitsa Society. Nominal Lists of Cossacks of the Verkhneudinsk Stanitsa, 1st Military Department of the Transbaikal Cossack Host. (1901). State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). F. 116. Op. 1.
3. War with Japan. In "Sel'skiy Vestnik". (September 5, 1904). No. 36. pp. 705–720.
4. Vysotina E.A. (2007). Cossacks of Buryatia in the Past and Present. Ulan-Ude. BSU Publishing House. 213 p.
5. Goncharenko O. N. (2017). Formation of Patriotism among the Intelligentsia of the Trans-Urals during the Soviet Period. In International Research Journal. No. 11. pp. 101–104.
6. The Case of Pavel Alekseevich Burdukovsky's Disenfranchisement. (1935). GARB. FR 819. Op. 1.
7. Zhalsanova, B. Ts., Shapoval, E. Yu. (2019). Guardians of the Borders... History of the Transbaikal Cossacks in the Documents of the State Archives of the Republic of Buryatia (1823–1919). Ulan-Ude. 319 p.
8. Transbaikal Cossack Battery of His Imperial Highness the Heir to the Tsarevich (1859–1912). (1914). Historical information. Chita. N.P. Pervunitsky Printing House. 60 p.
9. Certificate from citizen Konstantin Andrianovich Andrianov, by the Ulan-Ude police, regarding the work of P.A. Burdukovsky as a driver–sewage cleaner in 1937–1938. (Certified on March 2, 1957).
10. From the memoirs of Pavel Alekseevich Burdukovsky, daughter of Ekaterina Pavlovna Kobunova (Burdukovskaya) (1911–2007), transmitted by his grandson Konstantin Alekseevich Melnikov (born 1979), Ulan-Ude.
11. From family memoirs of the Bichura ataman Grigoriev Yermil Grigorievich, collected from Grigoriev's great-grandson Sergei Lazarevich (born in 1963), village of Nadeino, Tarbagatai District, Republic of Buryatia.
12. History of Buryatia from ancient times to the present day. ed. B.V. Bazarov; scientific ed. M.N. Baldano (2025). Ulan-Ude: EKOS; Republican Printing House. 400 p.
13. History of the Old Believers (Semeyskie) in the documents of the State Archives of the Baikal Region (1917–1930s). Part 2. Zhalsanova B.Ts., Novolodskaya M.S., Tkacheva V.Yu. et al. (2020). Ulan-Ude. Republican Printing House. 352 p.
14. Cossack Dictionary and Reference Book. Non-commissioned Officer. <https://kazak.academic.ru> [accessed 23.10.2025].
15. Book of Remembrance of Victims of Political Repressions in the Republic of Buryatia. Vol. 1. S.V. Vasilyeva et al. (2007). Ulan-Ude. Government of the Republic of Buryatia. 290 p.
16. Lagarde A.O. Transbaikal Cossack Host – Transbaikal Cossacks. <https://voenflot.ru> [accessed 23.10.2025].
17. Markin I., Budrym D. (2006). Badge of Distinction of the Military Order of St. George. Lists of those granted for the Russo-Japanese War of 1904–1905. Moscow. 1492 p.
18. Registry book of births, marriages, and deaths of the churches of the Verkhneudinsk spiritual administration. (1810). State Archives of the Transbaikal Territory. F. 282. Op. 1.
19. Registry book of births in the Verkhneudinsk stanitsa district. (January–March 1875). GARB. F. 116. Op. 1.
20. Supervisory proceedings for the case against Mitrofanov M.L., Burdukovsky P.A., Popov P.I., et al., under Article 58–10 of the Criminal Code of the RSFSR. (1929). GARB. F.R. 1411. Op. 1.
21. Novolodskaya M.S. History of the Transbaikal Cossack Host Based on Documents of the State Archives of the Republic of Buryatia. <https://www.gbu-garb.ru>. Official website of the State Archives of the Republic of Buryatia [accessed: 07.11.2025].
22. Prosecutor's Office of the Republic of Buryatia. Certificate of Recognition of Victim of Political Repression. No. 13–2–95. Issued on 26.01.1995.
23. Rvacheva O.V. (2014). The Creation of Soviet Cossacks in the South of Russia in the Mid-1930s – Early 1940s. In Bulletin of Volgograd State University. No. 3. pp. 81–91.
24. Events in China (October 10, 1900). «Razvedchik». No. 521. pp. 905–928.
25. Lists and statements of clergy, military personnel with their families, and parishioners who were and were absent from confession and Holy Communion for (1834–1836). GARB. F. 213. Op. 1.
26. Khomyakov S.V. (2018). Old Believers of Buryatia: entry into Soviet society and the problem of relations with the authorities. In Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. No. 3. pp. 167–178.